

Политические контексты афганской эмиграции

Александр Алексеевич Князев, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Нинэль Яхьевна Гулам, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Контактный адрес: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается поэтапный процесс формирования афганских диаспор. Путем сравнительного анализа на основе концепции социальных порядков сопоставлено их положение в политических контекстах евроатлантических и восточных государств. В ряде стран афганские диаспоры смогли интегрироваться в местные социумы и консолидироваться с целью организованного продвижения своих интересов, в других – не только не приобрели возможностей влияния на местные власти, но и оказались в роли дискриминируемых социальных групп. Кроме того, в работе рассмотрено состояние самих диаспор, определены основания, обуславливающие их фрагментированный характер, что отражает, по мнению авторов, незавершенный процесс формирования общеафганской идентичности. Предметом исследования являются также формирование условий, создающих возможность использования эмигрантских диаспор институтами государств пребывания в качестве прокси-инструментов внешней политики, и готовность диаспорных элит к выполнению таких функций, что подчеркивает актуальность исследования вопроса для понимания ряда текущих политических процессов. В этом же контексте оценивается и потенциал афганских диаспор в разных странах с точки зрения возможностей их влияния на процессы, происходящие в Афганистане. Анализ вовлеченности диаспор в реализацию внешнеполитических интересов государств-реципиентов показывает разнообразие ситуаций и отсутствие какой-либо прямой зависимости подобной практики от типа обществ в рассмотренных кейсах. В статье представлена авторская периодизация процесса афганской эмиграции начиная от последствий свержения монархии в 1973 г. и заканчивая временем проведения исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

миграция, афганская диаспора, беженцы, политическая система, социальные порядки, Афганистан

Афганцы входят в число народов, которые, оказавшись в эпицентре холодной войны, наложившейся на острые внутривнутриполитические конфликты, а затем столкнувшись с ее печальными последствиями, были вынуждены покинуть свою родину и искать временного или постоянного убежища за рубежом. По данным УВКБ ООН, в 1990 г. общая численность афганских беженцев¹ достигала 6 млн 220 тыс. человек². В ряде стран мира сложились чрезвычайно обширные афганские диаспоры, объединившие представителей многих социальных групп, в том числе элиты, которые в связи с теми или иными событиями и изменениями в Афганистане эмигрировали за его пределы. Этот процесс подразделяется на несколько этапов.

I этап – после государственного переворота в июле 1973 г. эмигрировали, в основном в страны Европы, члены королевской семьи и ее окружения, государственные чиновники высокого и среднего ранга, крупные предприниматели и феодалы, традиционная интеллигенция.

II этап – после провала выступлений 1974–1975 гг. против президента М. Дауда страну покидали представители духовенства и политических организаций, часть поддерживавшей их интеллигенции и т.п. Этот поток был направлен в основном в Пакистан и Иран.

III этап начался после Апрельской революции 1978 года. Уезжали оставшаяся часть буржуазии, духовенство, интеллигенция, племенные лидеры, частично широкая городская – особенно – и сельская масса. Уезжали в Пакистан, Иран, Индию, меньше – на Запад. В ходе военных событий конца 1970–1980-х гг. происходила массовая миграция населения из районов наиболее интенсивных боевых действий.

IV этап (1989 г. и начало 1990-х гг.) – эмигрировали функционеры Народно-демократической партии Афганистана (НДПА) и партии «Ватан», широкий круг их сторонников³. Значительное число представителей четвертой волны эмигрировало в страны бывшего СССР.

После вывода из Афганистана Ограниченного контингента советских войск (ОКСВ) начался процесс возвращения из эмиграции, однако он был недолгим и резко повернул вспять после 1992 г., когда пало правительство М. Наджибуллы и усилились столкновения между группировками моджахедов (V этап). Поток репатриантов особенно сократился после 1996 г., когда к власти пришло Движение талибов (VI этап); эта тенденция продолжалась вплоть до их разгрома в 2001–2002 годах.

Последующая динамика афганской эмиграции также имела волнообразный характер; постоянный процесс эмиграции находился, среди прочего, под воздействием неравномерной устойчивости правительств Х. Карзая и А. Гани и продолжавшейся в 2001–2021 гг. гражданской войны и иностранной оккупации.

1 В настоящем исследовании не делается различий между дефинициями «беженцы» и «эмигранты». И те, и другие рассматриваются как выходцы из Афганистана, независимо от причин миграции (добровольных или недобровольных) и методов миграции (легальных или нелегальных), проживающие в других странах.

2 Зардыхан, Ж. Текущий кризис беженцев в Афганистане и последствия для стран региона // Eurasian Research Institute (ERI). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurasian-research.org/publication/the-current-refugee-crisis-in-afghanistan-and-implications-for-regional-countries/?lang=ru> (дата обращения: 25.02.2025).

3 Сикоев 1999а.

Новый этап эмиграции из Афганистана начался в августе 2021 г. после вывода оккупационных сил США и НАТО и прихода к власти правительства Движения талибов. Этот этап пока не завершен. В 2023 г. численность афганских беженцев по всему миру превысила 6 млн человек; афганцы составили самую многочисленную группу беженцев в мире, превысив даже число беженцев из Сирии¹.

В результате этой долгой миграционной истории в ряде стран, где афганские общины оказались наиболее многочисленными, постепенно сформировались относительно сплоченные и устойчивые социальные общности, по всем или по большинству параметров характеризующиеся как этнические диаспоры². В ряде других стран расселение эмигрантов носило и носит в большей степени дисперсный характер, и их взаимодействие с местными обществами и государственными институтами не является системным.

Первая задача настоящего исследования состоит в определении страны (или группы стран), где афганские диаспоры обладают наибольшими возможностями для политической и иной мобилизации в местных обществах с целью организованного продвижения своих интересов и интеграции в эти социумы. Сравнительный анализ проведен в различных страновых контекстах, сгруппированных по макрорегиональному принципу (традиционная дихотомия «Восток – Запад», а также Россия как особый кейс). В качестве методологической основы этой части исследования принята концепция социальных порядков Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, в соответствии с которой большинство стран Европы и Америки относится к социальным порядкам открытого доступа, поскольку эти общества по крайней мере заявляют о наличии у себя свободной конкуренции в политике и экономике, всех аспектов равноправия (верховенства закона, защиты права собственности и др.), в то время как восточные страны входят в категорию порядков ограниченного (закрытого) доступа, иначе говоря «естественных государств», где существует более ярко выраженное ограничение доступа к экономическим и политическим ресурсам³.

Доступ к политическим ресурсам может подразумевать и прямую интеграцию представителей диаспор в политическую систему страны нахождения. Это открывает возможности для использования эмигрантских диаспор государственными институтами стран пребывания (или третьих стран) в качестве прокси-инструмента на афганском (и не только) направлении внешней политики, что подчеркивает актуальность исследования проблематики для понимания современной ситуации в Афганистане. В этой связи возникает вопрос: существует ли какая-либо зависимость возможности и вероятности подобного инструментального использования эмигрантов от характера обществ, в которых они находятся? Другой вопрос, имеющий значение для понимания перспектив разви-

1 "Global Trends Report 2023," UNHCR, June 13, 2024, accessed February 25, 2025, <https://www.unhcr.org/global-trends-report-2023>.

2 В настоящем исследовании словосочетания «афганская диаспора» и «афганская община» будут включать в себя как граждан страны пребывания афганского происхождения, так и беженцев, трудовых мигрантов, студентов и прочих лиц, однажды эмигрировавших из Афганистана и переселившихся или временно, или на постоянное место жительства в то или иное рассматриваемое в данной работе государство.

3 Норт et al. 2011, 40.

тия ситуации в самом Афганистане, – это оценка потенциала афганских диаспор с точки зрения возможностей их влияния на процессы, происходящие в стране.

Проблематика формирования этнических диаспор в современном мире выступала в качестве предмета пристального внимания таких российских авторов, как А.А. Авдашкин¹, В.А. Базанов², И.Д. Лошкарёв³, П.П. Спорышев⁴. Среди иностранных авторов данный вопрос изучали Р. Коэн⁵, Й. Шейн⁶, Ч. Кинг и Н. Мелвин⁷, Ф. Энтиас⁸ и другие.

При довольно серьезном дефиците исследований, посвященных именно проблематике афганских беженцев и диаспор, существует ряд работ общего характера, включающих в себя и рассматриваемую тематику. В отечественной афганистике можно отметить статьи либо разделы монографий В.Г. Коргуна⁹, Р.Р. Сикоева¹⁰, А.А. Князева¹¹. Различные частные аспекты освещаются в работах У.В. Окимбекова¹², В.П. Кириченко¹³, И.П. Цапенко¹⁴, С.С. Заремба-Пайк и З.Х. Лепшковой¹⁵ и других авторов. Характерной чертой в исследованиях проблемы афганских беженцев и уже сформировавшихся (или формирующихся) диаспор является преобладающее рассмотрение этой проблемы в рамках дискурса секьюритизации, еще один распространенный формат таких публикаций – преобладание международно-правовых дискурсов в отношении эмигрантов и беженцев. Это относится к публикациям не только в России, но и вообще в русскоязычном пространстве, например в странах Центральной Азии, где можно выделить работы С.К. Олимовой¹⁶, К.И. Искандарова¹⁷, Ч. Джакуповой¹⁸. Несмотря на географическое соседство региона с Афганистаном, исследовательское внимание к проблеме здесь невелико в силу малочисленности афганских диаспор.

В числе работ зарубежных исследователей (представителей академических сообществ как западных, так и восточных стран), занимавшихся разработкой проблематики, – труды М. Данстрём, Н. Клейст и Н. Сёренсен¹⁹, анализировавших экономические аспекты, связанные с деятельностью афганских диаспор; Н. Грин²⁰, К. Фишер²¹, М.Х. Садат²², изучавших вопросы эволюции, сохранения и развития афганской идентичности в современных условиях диаспоральной «раздробленности» афганцев; А. Сафи и М. Цайка²³, исследовав-

1 Авдашкин 2013.

2 Базанов 2011.

3 Лошкарёв 2017.

4 Спорышев 2009.

5 Cohen 1996.

6 Shain 1994.

7 King, Melvin 2000.

8 Anthias 1998.

9 Коргун 2005.

10 Сикоев 1999a; 1999b.

11 Князев 2004.

12 Окимбеков 2019.

13 Кириченко 2019.

14 Цапенко 2023.

15 Заремба-Пайк, Лепшкова 2021.

16 Олимова 1998.

17 Искандаров 2005.

18 Джакупова 2000.

19 Danström et al. 2015.

20 Green 2008.

21 Fischer 2017.

22 Sadat 2008.

23 Safi, Czaika 2024.

ших устойчивость связей афганских диаспор, проживающих в различных государствах Европы, с Афганистаном. При рассмотрении академической литературы в данном сегменте выявляется склонность авторов к изучению социальных вопросов, связанных с пребыванием афганских диаспор прежде всего в государствах Западной Европы; иными словами, здесь преобладают прикладные исследования.

Особый интерес представляют работы, в которых выявляются – в основном применительно к последним десятилетиям XX в. – взаимосвязи эмиграции с зарубежными государственными структурами, в первую очередь спецслужбами, что в отечественной литературе отражено, например, в работах А.С. Иващенко¹. Классическими работами являются книги В.Н. Спольникова², не утратившие своей актуальности. Период же после 1990-х гг. в именно таком контексте в научной литературе пока недостаточно освещен.

Для достижения поставленных задач был применен инструментарий как политических (кроссрегиональный прикладной политический анализ), так и исторических (историко-описательный и историко-сравнительный методы) наук. Источниковой базой исследования послужили подвергнутые верификации материалы информационных интернет-ресурсов и статистические данные; среди последних важное место занимают соответствующие материалы международных организаций.

Восточные контексты³

Наиболее многочисленные афганские диаспоры ввиду объективных причин сформировались в соседних странах: согласно данным на конец 2023 г., около 90% всех беженцев из Афганистана были сосредоточены в Иране и Пакистане (58,6% и 31% соответственно)⁴. Устойчивый тренд на переселение афганцев в эти страны обозначился после 1979 г., что было связано с эскалацией гражданской войны и вводом ОКСВ в Афганистан, и лишь усилился к 1990-м гг. на фоне продолжительной военно-политической турбулентности⁵.

В соответствии с упомянутой ранее концепцией социальных порядков эти страны относятся к категории порядков ограниченного (закрытого) доступа, или т.н. естественных государств. Их отличительные особенности – ограничение доступа к экономическим и политическим ресурсам; наличие привилегий и особых прав отдельных организаций и групп элит, благодаря которым они извлекают ренту; личные отношения как основа социальной организации⁶.

Пакистан. По данным на 2017 г., на территории Пакистана проживало от 2 до 2,4 млн афганских беженцев (из них 1,4 млн – зарегистрированных, а от 600 тыс. до 1 млн – без документов)⁷. Для образования в этой стране столь много-

1 Иващенко 1994; 1999.

2 Спольников 1990.

3 Авторская терминология.

4 Доклад о миграции в мире 2024 // IOM Publications. [Электронный ресурс]. URL: <https://publications.iom.int/system/files/pdf/pub2023-081-i-world-migration-report-2024-ru.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).

5 Саженов 2020, 26.

6 Норт et al. 2011, 40.

7 "South Asia: Pakistan," Central Intelligence Agency, accessed February 25, 2025, <https://tinyurl.com/yx3mtfpt>.

численной афганской общины существовали вполне объективные причины. В первую очередь стоит упомянуть тот факт, что весьма протяженная «линия Дюранда», не признанная в Кабуле, но являющаяся де-факто границей Афганистана с Пакистаном, разделяет представителей одного этноса, исторически населявшего данную территорию, – пуштунов, и всегда была довольно «прозрачной», что позволяло жителям обеих стран практически беспрепятственно проникать на территорию соседнего государства. Поэтому с конца 1970-х гг. на фоне эскалации вооруженного конфликта часть жителей Афганистана в массовом порядке устремилась по другую сторону «линии Дюранда». В результате на территории Пакистана образовывались лагеря афганских беженцев (содержавшихся в том числе за счет финансовой поддержки ООН и США), которые после вывода советских войск из Афганистана не исчезли, а лишь продолжили пополняться вынужденными мигрантами, поскольку в стране шла гражданская война.

На сегодняшний день большинство афганцев в Пакистане проживают в провинциях Хайбер-Пахтунхва и Белуджистан; кроме того, значительная часть афганской общины располагается в Карачи, Исламабаде, а также в различных городах провинции Пенджаб. В 2021 г. страна столкнулась с новой волной беженцев из Афганистана на фоне прихода к власти Движения талибов: тогда в Пакистан въехало от 600 тыс. до 800 тыс. афганцев. На фоне этих событий пакистанские власти начали вводить меры, ужесточающие условия пребывания афганских мигрантов на территории страны, утверждая, что высылке подлежат как минимум 1,7 млн человек. При этом пакистанская полиция задерживала и депортировала из страны не только нелегалов, но и держателей специальной иммигрантской визы, подтверждающей статус беженца у ее владельца¹. Подобные действия по отношению к афганской общине объясняются не только накопившейся за более чем 50 лет усталостью от проблемы беженцев и экономического бремени, которое она влечет, но и угрозами безопасности, которые усматриваются в связях афганцев с радикальными группировками у себя на родине и в поддержке ими террористической организации «Техрик-е Талибан Пакистан».

Представляется, что проживающие в Пакистане представители афганской общины (даже имеющие официальный статус беженца, не говоря уже о тех, кто пребывает на территории страны нелегально) в массе своей лишены возможности защитить собственные права перед государством, а потому весьма уязвимы. Их бесправие обусловлено не только сложностями при получении гражданства страны, но и не в последнюю очередь произволом местных властей, зачастую в одностороннем порядке лишаящих афганских беженцев с трудом добытого ими статуса². Таким образом, несмотря на свою многочисленность, проживающая в Пакистане афганская община вряд ли обладает возможностями лоббирования своих интересов на сколь-нибудь заметном уровне в условиях откровенно дискриминационной политики государства. С другой стороны, такое положение диаспоры создает большие возможности не только для широкой мобилизации

1 Строкань, С. Великое выселение // Коммерсант. 1 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6312301> (дата обращения: 02.03.2025).

2 Riaz Ahmad, "No Country for Old Afghans: 'Post-1951 Immigrants to Be Considered Illegal'," The Express Tribune, April 2, 2015, accessed March 2, 2025, <https://tinyurl.com/3yj6pdj6>.

афганцев в интересах Пакистана, но и для их вербовки многочисленными террористическими структурами.

Иран. В соответствии с иранскими данными, в 2023 г. в стране проживало более 5 млн афганцев; при этом обострившаяся в последние несколько лет проблема нелегальной миграции из соседнего Афганистана представляет собой серьезный повод как для недовольства местного населения, так и для беспокойства иранского руководства, декларирующего, что наплыв афганских беженцев представляет собой угрозу для безопасности страны¹. По данным УВКБ ООН, с середины 2021 г. в Иран бежало порядка одного миллиона афганских граждан². Власти Ирана не публикуют официальной статистики, отражающей общее количество проживающих в стране афганцев, однако, по ряду оценок, более 90% всех иностранных граждан, находящихся на территории страны, составляют именно они³.

Причины многочисленности местной афганской общины во многом очевидны: Иран и Афганистан разделяет весьма протяженная граница (более 900 км), которая не всегда и не везде должным образом охраняется, что открывает возможности для нелегального проникновения мигрантов со стороны Афганистана. Эти обстоятельства, а также опасения, связанные с возможной активностью террористов афганского филиала «Исламского государства»⁴, вынудили власти Ирана озаботиться строительством стены на границе со своим восточным соседом. Тем не менее есть свидетельства того, что значительная часть афганцев по-прежнему нелегальным образом проникает в Иран, в основном с территории Пакистана⁵.

Согласно данным УВКБ ООН на 2023 г., на легальных основаниях в Иране проживало лишь 780 тыс. афганцев, в то время как остальное их количество (более 90%) составляли нелегальные мигранты и беженцы, причем некоторые из них не имели при себе никаких документов, а кто-то имел лишь афганский загранпаспорт⁶. Для уточнения числа афганских граждан на территории страны власти периодически проводят специальные переписи, в ходе которых в отношении мигрантов принимаются решения либо о предоставлении разрешения на пребывание в стране, либо о выдворении⁷.

Большая часть афганцев в Иране стремится интегрироваться в местное общество, поскольку им относительно легко влиться в близкий в культурно-языковом плане иранский социум; лишь незначительная часть, около 4%, селится в специально отведенных властями городках для размещения беженцев⁸. Наиболее многочисленные афганские общины в 2016 г. были зафиксированы в таких останах, как Тегеран, Хорасан-Резави, Исфахан, Керман, Фарс, Кум, особенно в их административных центрах. Стоит отметить, что для афганских мигрантов (как

1 "Iran's National Security is Challenged by the Presence of Afghan Refugees," Faraz, March 10, 2024, accessed March 5, 2025, <https://www.faraz.ir/fa/news/71222/ایران-ی ملی-امنیتی را تهدید می‌کند>.

2 "Refugees in Iran," The UN Refugee Agency, accessed March 5, 2025, <https://www.unhcr.org/ir/refugees-iran>.

3 "Iran Walls Off Part of Border with Afghanistan: State Media," Dawn, September 23, 2024, accessed March 5, 2025, <https://www.dawn.com/news/1860652>.

4 Организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

5 Philip Whiteside, and Kieran Devine, "Escape From Afghanistan: the Options," Sky News, accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/444mb8ny>.

6 Норик 2023, 124.

7 "Refugees in Iran."

8 Ibid.

легальных, так и нелегальных) с 2015 г. открыт доступ к бесплатному начальному и среднему образованию, что ожидаемо повлекло за собой дополнительные расходы из государственного бюджета и создало ощутимую нагрузку на образовательную систему Ирана, но при этом было оправданно с точки зрения продвижения иранской «мягкой силы».

Если говорить о трудностях, с которыми сталкиваются представители афганской диаспоры в Иране, то в первую очередь стоит упомянуть существовавшие до недавнего времени практически непреодолимые препятствия, связанные с получением гражданства этой страны для любых иностранных граждан, поскольку здесь преобладает т.н. право крови. Иными словами, стать гражданином Ирана может в первую очередь тот, чей отец обладает иранским гражданством. Родившиеся в Иране дети афганских мигрантов, в соответствии с местным законодательством, для получения гражданства должны достигнуть 18-летнего возраста и затем прожить на территории страны еще как минимум 5 лет¹. В целом же для всех въезжающих на территорию страны с целью проживания иностранных граждан существует механизм легализации временного пребывания с возможностью продления его сроков, однако такие лица, как правило, ограничены в правах на перемещение по территории страны.

С 2021 г. правящая элита Ирана активизировала действия по ужесточению миграционной политики в связи с беспрецедентным наплывом афганских беженцев. «Афганский вопрос» вполне ожидаемо стал одной из центральных тем на президентских дебатах летом 2024 года. При этом зачастую негативная риторика иранских властей в адрес афганской общины была призвана оправдать наличие проблем в экономике и социальной сфере, что не могло не сказываться на настроениях местного населения, которое во многом неприязненно относится как к постоянно проживающим на территории Ирана афганцам, так и к тем, кто приезжает в страну в поисках работы или убежища.

Резюмируя, необходимо отметить, что, хотя в целом отношение государства к афганской диаспоре (включая нелегальных мигрантов, составляющих значительную ее часть) в Иране заметно лучше, нежели в соседнем Пакистане ввиду сравнительно меньших масштабов производства в отношении общины, ее представители все же сталкиваются здесь с рядом существенных ограничений, а также зачастую подвергаются дискриминации в различных сферах, и не последнюю роль здесь играет текущее состояние двусторонних ирано-афганских отношений. Причем в обоих случаях причиной усиления давления на афганских мигрантов становятся экономические проблемы стран пребывания. А поскольку обе рассмотренные в настоящем разделе страны, в соответствии с концепцией социальных порядков, относятся к категории порядков ограниченного (закрытого) доступа, то и возможности афганских общин по защите своих прав и получению доступа к политическим и экономическим ресурсам здесь представляются более чем ограниченными.

1 Норик 2023, 126.

Евроатлантические контексты¹

Несмотря на то что большинство афганских беженцев до сих пор проживает в соседних с Афганистаном Иране и Пакистане, многие из них стремятся обосноваться на Западе – в странах Европы или Северной Америки. Традиционно именно эти направления привлекали наиболее зажиточные слои афганского населения². В данной связи интересно рассмотреть положение афганских общин в Германии и США – государствах, на территории которых суммарно проживает более 500 тыс. афганцев.

Германия. В Германии находится самая многочисленная в Европе афганская община: по официальным данным за 2023 г., в стране проживало более 400 тыс. афганцев³. Хотя здесь, как и везде, наблюдался волнообразный характер ее расширения, нужно выделить этап с середины 2010-х гг., который обозначился на фоне становившегося очевидным провала американской интервенции⁴. При этом если до 1979 г. афганская диаспора включала не более 2000 человек, среди которых были в основном предприниматели и студенты, то впоследствии их ряды пополнялись за счет беженцев (в том числе экономических) и политических эмигрантов.

В соответствии с доступными данными, наиболее заметный прирост афганской общины в Германии имел место не в периоды присутствия на территории Афганистана ОКСВ или нахождения у власти талибов в 1990-х гг. (как это происходило в 1980-х и 1990-х гг., III и VI этапы), а начиная с 2015 г. и достиг пиковых значений в 2016–2017 годах⁵. Интересно, что до 2015 г. «афганский вопрос» не привлекал особого внимания со стороны германских политиков и общественности, однако в дальнейшем, на фоне ухудшения экономической обстановки в стране, предостережения для афганцев, собирающихся приехать в Германию в поисках «лучшей жизни», зазвучали даже на высшем уровне, например из уст канцлера А. Меркель⁶. С конца 2016 г. власти начинают систематически проводить депортации афганских нелегалов, обосновывая их соображениями безопасности⁷. Эти шаги сопровождаются ожесточенной критикой, а также уличными протестами со стороны заинтересованной общественности и правозащитных организаций.

После прихода к власти в Афганистане Движения талибов в 2021 г. Германия на время приостановила процесс депортации афганских мигрантов, однако в августе 2024 г. он возобновился, причем, как утверждается, высылке подверглись «осужденные преступники, не имевшие права оставаться на территории страны»⁸. Несмотря на это, иммиграция из Афганистана в Германию продолжается по сей

1 Авторская терминология.

2 Саженов 2020, 26.

3 "Bevölkerung in Privathaushalten nach Migrationshintergrund im weiteren Sinn nach ausgewählten Geburtsstaaten (Population in Private Households by Migration Background in the Broader Sense by Selected Countries of Birth)," Statistisches Bundesamt (Destatis), accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/36368trx>.

4 Carolin Fischer, "Afghan Migration to Germany: History and Current Debates," Bundeszentrale für politische Bildung, April 5, 2019, accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/yz4usk7s>.

5 "Numbers of Afghan Nationals in Germany, 1967–2017," Bundeszentrale für politische Bildung, April 5, 2019, accessed March 5, 2025, https://www.bpb.de/system/files/dokument_pdf/fig_1_Afghan_Nationals_%20in_Germany.pdf.

6 "Merkel warnt Afghanistan vor Flucht nach Deutschland (Merkel Warns Afghans Against Fleeing to Germany)," Afghanistan Analysts Network, December 2, 2015, accessed March 5, 2025, <https://www.afghanistan-analysts.org/en/aan-in-the-media/merkel-warnt-afghanistan-vor-flucht-nach-deutschland/>.

7 Carolin Fischer, "Afghan Migration to Germany: History and Current Debates."

8 СМИ: ФРГ депортировала мигрантов в Афганистан впервые с 202 года // ТАСС. 30 августа 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21722669> (дата обращения: 07.03.2025).

день. Средний возраст афганцев, проживающих в ФРГ, составляет 23,7 лет, причем если раньше они переселялись в страну семьями, то в последние годы приезжают в основном молодые мужчины и преимущественно поодиночке¹.

Афганцы проживают по всей Германии, но в большей степени населяют крупные города и агломерации, такие как Берлин, Гамбург, Франкфурт, Мюнхен; однако далеко не все из них стремятся интегрироваться в местное общество и изучать немецкий язык. Общину, пусть и весьма многочисленную, но при этом крайне неоднородную в социальном и этническом смысле, трудно назвать сплоченной. Тем не менее ее представители создают различные общественные объединения в целях отстаивания коллективных интересов диаспоры, оказания взаимопомощи и сохранения своей культурной идентичности. В качестве одного из примеров можно назвать «Федерацию афганских организаций в Германии» (*Verband der Afghanischen Vereine in Deutschland*) – одну из крупнейших этнических организаций, включающих в себя различные афганские структуры по всей стране. В число ее задач входит координация деятельности афганских объединений, лоббирование интересов афганской диаспоры на политическом уровне, проведение культурных мероприятий и т.п.²

Несмотря на политику местных властей, направленную на ограничение миграционных потоков, представители афганской диаспоры, легально проживающие на территории страны, обладают определенными возможностями для защиты своих прав и отстаивания интересов, а также для донесения своей позиции до широкой общественности, в том числе посредством СМИ и деятельности неправительственных общественных организаций.

США. По данным, актуальным на 2024 г., число афганцев, постоянно проживающих на территории США, превышает 250 тыс. человек, что делает эту афганскую общину самой крупной в Северной Америке³. Будучи довольно немногочисленной вплоть до середины XX в., она стала стремительно увеличиваться после 1979 года⁴. Наибольшее число афганцев в США сосредоточено в таких штатах, как Калифорния, Вирджиния и Нью-Йорк; также существуют довольно многочисленные афганские общины в Аризоне, Техасе, Колорадо, Джорджии и других штатах; при этом большая часть афганцев проживает в крупных городах.

Афганская диаспора в США является довольно разнородной, как и почти везде, социальной группой, состоящей из нескольких поколений иммигрантов, беженцев, а также лиц, получивших убежище. Она включает в себя представителей различных афганских этносов (пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки и др.), религиозных убеждений (сунниты, шииты, исмаилиты), а также социально-экономических слоев. При этом многие ее представители принимают участие в различных объединениях и ассоциациях, занимающихся вопросами защиты прав беженцев и мигрантов, а также активно продвигают коллективные

1 "Migration und Integration (Migration and Integration)," Statistisches Bundesamt (Destatis), December 31, 2024, accessed March 5, 2025, <https://tinyurl.com/76btsray>.

2 "Verband (Association)," Verband afghanischer Organisationen in Deutschland, accessed March 7, 2025, <https://tinyurl.com/mry9mhsv>.

3 Julian Montalvo, and Jeanne Batalova, "Afghan Immigrants in the United States," Migration Policy Institute, February 15, 2024, accessed March 7, 2025, <https://www.migrationpolicy.org/article/afghan-immigrants-united-states-2022>.

4 Anna Giaritelli, "How Biden is Resettling Afghans in the US," Biasly, September 1, 2021, accessed March 7, 2025, <https://www.biasly.com/news/howbidenisresettlingafghansintheuswashingtonexaminer/>.

интересы в местных политических кругах. Можно назвать такие организации, как *Afghan American Foundation*, *Afghan Coalition*, *No One Left Behind*, которые проводят различные кампании, направленные на информирование властей страны о потребностях афганцев, а также о помощи, необходимой им со стороны государства¹. Гражданский активизм афганской общины проявляется и в форме митингов и демонстраций, на которых ее представители часто выражают свою позицию относительно текущих событий в Афганистане.

Таким образом, несмотря на свою неоднородность и географическую разобщенность, афганская община в США представляется весьма активной и деятельной, способной организованно транслировать свою позицию по различным вопросам не только для продвижения своих интересов и отстаивания прав на местном уровне, но и при выражении отношения к событиям на своей родине и вокруг нее вплоть до действий по вовлечению государственных институций США во внутриафганские процессы. К примеру, известно, что после гибели своего отца от рук талибов в 1999 г. будущий президент Х. Карзай пытался заручиться поддержкой Вашингтона в организации пуштунского антиталибского движения, а в 2000 г. выступал в сенате США с разъяснениями ситуации в Афганистане². В США есть примеры и прямой интеграции афганцев в американскую элиту. Так, яркой фигурой американского внешнеполитического истеблишмента является афганец по происхождению З. Халилзад, занимавший высокие должности в государственном департаменте и продолжающий в настоящее время играть важную роль в Демократической партии США.

Опираясь на примеры, иллюстрирующие положение афганских диаспор в Германии и США, можно утверждать, что в этих государствах выходцы из Афганистана пользуются довольно значительными политическими и социально-экономическими свободами в том случае, если проживают легально. Отталкиваясь от концепции Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста, можно сделать вывод, что возможностей для политической мобилизации в этих обществах больше, чем в закрытых порядках, и вполне закономерно, что различные этнические диаспоры (в том числе афганские) ими активно пользуются.

Российский контекст

В 2011 г. численность афганцев в Российской Федерации, по различным подсчетам, оценивалась в диапазоне от 50 до 150 тыс. человек, большая часть которых проживала в Москве³. Афганская община формировалась преимущественно с 1990-х гг., что было обусловлено обострившейся в Афганистане вооруженной борьбой различных этнополитических группировок за власть, и основную ее часть составляли политические эмигранты и их родственники, среди которых было много высокопоставленных чиновников и военных, лояльных правительству президента М. Наджибуллы. Многие представители партийно-номенклатурной элиты, офицеры и сотрудники спецслужб в 1990-е гг. выбирали

1 "Welcome to Afghan Coalition," Afghan Coalition, accessed March 7, 2025, <https://afghancoalition.org/about-us/>.

2 Коргун 2011, 110.

3 Хомаюн, К. Афганская диаспора в России // Афганистан.ру. 24 апреля 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/19990.html?ysclid=mc0egfgrq541546212> (дата обращения: 17.06.2025).

для эмиграции именно Россию, хотя перебраться на Запад в то время было проще – через Индию и Пакистан. Объяснить это можно их знакомством с русским языком и культурой в период обучения в советских высших учебных заведениях, опытом общения с гражданами СССР и, соответственно, связями в России. Большинство афганских эмигрантов в Россию представляли наиболее образованные слои афганского общества.

В силу ряда внутренних причин целенаправленных усилий по интеграции лояльных государству афганцев в местное общество на правительственном уровне не предпринималось, и какие-либо преимущества и дополнительные возможности закрепиться в стране у этих мигрантов отсутствовали. Для многих из них задача получения статуса беженца, политического убежища и тем более гражданства Российской Федерации была связана с зачастую непреодолимыми бюрократическими препятствиями¹. Это привело к оттоку множества афганских граждан в середине 1990-х гг. из России в страны Западной Европы, в которых реализовывались программы приема беженцев. Значительная часть оставшихся в России афганцев стала заниматься бизнесом, часто – оптовой и розничной торговлей; кроме того, в Россию до сих пор приезжают на обучение студенты из Афганистана, зачастую в надежде получить возможность утвердиться здесь, остаться жить самим и перевезти семью, или же используя страну в качестве «перевалочного пункта» на пути в ЕС.

Афганскую диаспору в России называют одной из самых разобщенных на постсоветском пространстве. В Москве и в других российских городах существуют десятки общественных организаций, так или иначе связанных с афганской общиной, однако они не служат фактором ее консолидации². Афганцы в России склонны формировать отдельные группы в первую очередь на базе экономической деятельности, ярким примером чего может служить торговый центр на месте бывшей московской гостиницы «Севастополь»³. В связи с упомянутой ранее разобщенностью афганской диаспоры можно заключить, что потенциал политической мобилизации афганцев с целью продвижения их интересов в российском обществе представляется весьма низким. Впрочем, для представителей афганской общины, как правило, отсутствуют какие-либо препятствия для ведения экономической деятельности и для учебы при условии приобретения официального статуса.

Афганская дискретность: диаспоральная проекция

Слабость афганских эмигрантских общин предопределяется их разобщенностью, неспособностью консолидироваться и обрести субъектность, достаточную для обретения социальной значимости в местных социумах. Ключевой причиной этой разобщенности является состояние самого афганского общества, не сумевшего на протяжении длительного исторического времени достичь

1 Коргун 2005, 5.

2 Хомаюн, К. Афганская диаспора в России // Афганистан.ру. 24 апреля 2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/19990.html?ysclid=mc0egfgrq541546212> (дата обращения: 17.06.2025).

3 Шихатова, Р. Как в Москве живут афганцы // Москвич Mag. 3 сентября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://moskvich-mag.ru/lyudi/kak-v-moskve-zhivut-afgantsy/> (дата обращения: 23.12.2024).

необходимой общегражданской сплоченности. Незавершенность этнополитической идентификации и консолидации афганского общества синхронизировалась с незаконченным транзитом от традиционной позднефеодальной к модернистской раннекапиталистической формации. Определенные девиации привнесли в этот процесс социалистические реформы 1980-х гг., традиционалистский реванш 1990-х гг. (правительства моджахедов и первого периода власти Движения талибов), а также демократические преобразования 2001–2021 годов. Высочайшая степень фрагментации афганского общества, сообщающая его развитию центробежные тенденции, стала, таким образом, одной из базовых причин перманентной нестабильности государства, проецируясь и на состояние эмигрантской среды.

Исторически сложившееся доминирование первичных форм групповой солидарности обуславливает среди афганцев региональные, религиозные, языковые и культурные различия. Более того, в самом Афганистане расколы проходят не только по границам расселения этносов (которое зачастую дисперсно), но и внутри этнических групп. К примеру, среди хазарейцев встречаются как шииты джафаритского мазхаба, так и крупные группы исмаилитов. Большинство пуштунов являются приверженцами ханафитского мазхаба суннизма, но среди них есть разделение по критерию причастности к различным суфийским тарикатам; есть и пуштунские племена, исповедующие шиизм... За пределами страны тот или иной выходец из Афганистана на вопрос о своем происхождении может назвать себя афганцем, отталкиваясь от своей страновой идентичности. В самом же Афганистане человек будет апеллировать исключительно к своей этнической идентичности¹.

Консолидации афганского общества препятствует и его клановость. Не говоря уже о племенном факторе (наиболее сильном у пуштунов, а отсутствующем среди афганских этносов только у таджиков), свои разделительные линии создают и сохраняющиеся патрон-клиентские отношения. Те же внутриэтнические деления имеют иногда и региональный характер: если для таджиков важным зачастую является происхождение из Панджшера или Бадахшана, Герата или Балха, то среди узбеков имеет определенное значение происхождение из той или иной местности / провинции когда-то существовавшего «Чор Вилайята», узбекских ханств левобережья Амударьи.

Вся эта множественность естественным образом проявляется в диаспорах, где разного рода эмигрантские ассоциации довольно устойчиво формируются по линиям раскола, существующим в стране, и чаще всего по этноконфессиональному критерию. Несмотря на традиционно высокий уровень предпринимательской активности, эти диаспоры трудно отнести к диаспорам экономического типа, каковыми, как правило, являются еврейские или китайские, интенсивно взаимодействующие с местной средой в процессе ведения бизнеса. Такое взаимодействие не чуждо и афганцам, но оно редко становится системным, поскольку ограничивается высокой фрагментацией самих диаспор. Последнее в высокой степени обуславливается, наряду с отмеченными этническими и другими

1 Князев 2024, 216.

критериями, еще и определенной значимостью партийных или политических пристрастий эмигрантов. Представители диаспоры занимают зачастую прямо противоположные, а иногда и враждебные друг другу позиции, отражающие продолжительный внутренний гражданский конфликт в самом Афганистане.

Политизация, наряду с отсутствием или недостаточностью субъектности диаспор в странах нахождения, в ряде случаев обуславливает ситуацию, при которой диаспоры (особенно их элиты) становятся объектом воздействия со стороны государственных институтов стран-реципиентов, использующих их в своих, в основном внешнеполитических, интересах. Эта ситуация, в свою очередь, за много десятилетий сформировала такое явление, как имманентный интерес лидеров любых афганских оппозиционных сил (прежде всего находящихся в эмиграции) к поиску поддержки в странах пребывания для продолжения политической (очень часто и военной) активности в Афганистане.

Диаспоры и политика государств-реципиентов

Знаковой в этом плане была первая массовая волна афганских беженцев в Пакистан. В 1973 г. в районе г. Аттока в Пакистане местными спецслужбами и ЦРУ США был создан первый учебный лагерь для подготовки афганской вооруженной оппозиции, перед которой ставилась задача свержения президента М. Дауда, пришедшего к власти после падения королевского режима. В течение 1973–1974 гг. активисты действовавшего в Кабуле оппозиционного движения «Джаванани-е мусульман» («Мусульманская молодежь») конспиративно убывали в Пакистан для прохождения военной подготовки¹. Для правительства З.А. Бхутто правые афганские оппозиционеры, учитывая резкий рост противоречий между двумя азиатскими государствами, являлись важным внешнеполитическим инструментом. Так началось взаимодействие афганской исламской оппозиции в эмиграции с пакистанскими государственными структурами, резко возросшее (при ведущей роли США и участии европейских и исламских государств, а также КНР) после Апрельской революции 1978 г. уже в борьбе с правительством НДПА, а затем и с ОКСВ. Основным мобилизационным ресурсом для формировавшихся военных отрядов оппозиции были беженцы – граждане Афганистана. Параллельно, хотя и в меньших масштабах, афганские беженцы-шииты стали использоваться в таком же качестве и в Иране.

Функциональность эмигрантского ресурса в Пакистане сохранилась и после прихода к власти моджахедов в апреле 1992 г.: неспособность последних установить стабильность в стране мотивировала правящую элиту Пакистана на реализацию проекта, известного как Движение талибов. Оставляя в стороне рассмотрение всех причин его появления и последующей эволюции, следует обратить внимание на произошедшую к концу 1990-х гг. реактуализацию вопроса об использовании имевшейся афганской диаспоры в США. Неспособность Движения талибов решить поставленные внешними акторами задачи кардинально изменила отношение администрации США к нему, и к концу 2001 г. в условиях

1 Спольников 1990, 83.

начавшейся американской оккупации Афганистана вновь стал необходимым диаспоральный ресурс.

Оккупация и задачи по созданию управляемого правительства в стране сделали востребованными разные группы афганской эмиграции: так называемые Римскую группу, Кипрскую группу и Пешаварскую группу, в той или иной степени контролируемые американской стороной (и их союзниками). Это ярко проявилось в ходе Боннской конференции в декабре 2001 г. при формировании временной «постталибской» администрации. Инкорпорация подконтрольной эмигрантской элиты в создаваемые в Афганистане государственные институты (а затем и в ходе ротаций) стала одной из фундаментальных задач американской стороны на весь 20-летний период оккупации и попыток государственного строительства в Афганистане.

Использование афганской эмиграции в решении внешнеполитических задач имеет место и в Иране. Наиболее яркий и масштабный пример: в 2014 г. под управлением Корпуса стражей Исламской революции была создана «Лива Фатимиян» – подразделение из афганских шиитов-хазарейцев в формате армейской бригады, которое насчитывало более 20 тыс. человек и принимало самое активное участие в войне с сирийской вооруженной оппозицией и ИГИЛ¹. По сути «Лива Фатимиян» являлась одним из важных сегментов иранской «мехвар-э мокавемат», известной как «ось сопротивления», наряду с «Хезболлах», ХАМАС и другими участниками. Гипотетически можно представить данный пример и как показатель определенного уровня интеграции афганской диаспоры в иранское общество, в рамках которой афганские эмигранты участвуют в реализации задач внешней политики Ирана.

О какой-либо политической активности афганской диаспоры в России, направленной на ситуацию в Афганистане, сведений немного. Единственным примером за весь постсоветский период можно считать, пожалуй, организованный в феврале 2019 г. в Москве «Межафганский диалог», который получил поддержку от официальных российских органов, но проходил под эгидой афганской диаспоры в России во главе с предпринимателем М. Надир-Шахом, руководившим «Афганским деловым центром содействия деловому и социальному партнерству культурных и национальных инициатив». Впоследствии «Межафганский диалог» стал частью официальной внешней политики России в рамках «московских консультаций» и организовывался непосредственно Министерством иностранных дел без какого-либо существенного участия диаспоры. Можно и нужно упомянуть также о целом ряде инициатив со стороны афганских диаспор в городах России по оказанию гуманитарной помощи Афганистану после 2021 года.

Для более полного понимания вопроса необходимо обратить внимание на взаимоотношения между диаспорной элитой последней волны, после августа 2021 г., и политической элитой США. Осенью 2021 г. одна из заметных антителибских эмигрантских групп, «Фронт национального сопротивления Афганистана», зарегистрировала в США свое представительство в качестве иностранного агента для занятий лоббистской деятельностью в поддержку афганской оппозиции.

1 Организация признана террористической и ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации.

Тогда же эта группа подписала контракт с известной в США лоббистской компанией *Stryk Global Diplomacy*¹. Хотя администрация Байдена не демонстрировала заинтересованности в дальнейшем участии в афганском конфликте, инициатива получала поддержку. В июле 2024 г. на обсуждение Конгресса США от Республиканской партии был вынесен (хотя так и не был принят) проект «Закона о недопущении признания террористических государств», в котором Движение талибов определялось как «спонсор терроризма и террористическая организация»². Тогда же бывший советник по национальной безопасности Дж. Болтон заявлял о необходимости оказать военную и экономическую поддержку «силам сопротивления, противостоящим режиму “Талибана” в Афганистане»³.

Численность групп, возникших в США, европейских странах, Канаде и Турции в период 2021–2024 гг. и декларирующих «сопротивление “Талибану”», достаточно велика, но практика показывает, что эмигрантские элитные круги без существенной поддержки со стороны других государств не способны мобилизовать значимую поддержку ни в диаспорах, ни в самом Афганистане, будучи оторванными от реальной ситуации и активизируясь преимущественно виртуально. Действующей администрацией США этот ресурс пока не востребован, но нельзя исключать обращения к нему, исходя из опыта 1970–1980-х и 2001–2021 годов.

Выводы

Приведенные в настоящей статье наблюдения свидетельствуют о том, что способность афганских диаспор за рубежом получать доступ к политическим и экономическим ресурсам, организованно отстаивать свои интересы и успешно интегрироваться в социум обусловлена, с одной стороны, социально-политическим контекстом страны пребывания (т.е. господствующим социальным порядком – ограниченного или открытого доступа), а с другой – степенью сплоченности самой афганской общины (т.е. внутренними факторами).

Вполне ожидаемо, общества открытого доступа (на примере Германии и США) предоставляют этническим общинам гораздо больше свобод для самоорганизации, публичного выражения и продвижения коллективных позиций и запросов при условии соблюдения их представителями местного законодательства, легализации или приобретения гражданства. Вопрос состоит лишь в том, готовы ли они сами этими возможностями воспользоваться. В случае порядков ограниченного (закрытого) доступа, примерами которых послужили Пакистан (в большей степени) и Иран, афганские общины не только бывают ограничены в этих возможностях, но и в отдельных случаях лишены базовых прав и свобод и даже открыто дискриминируемы: наиболее ярким примером государства, где имеют место подобные инциденты, в данной работе выступает Пакистан, где случаи выдворения из страны афганцев, получивших гражданство и много

- 1 Kenneth P. Vogel, “Struggle for Control of Afghanistan Comes to K Street,” *New York Times*, September 15, 2021, accessed March 27, 2025, <https://www.nytimes.com/2021/09/15/us/politics/afghanistan-taliban.html>.
- 2 “To Prohibit Actions Recognizing the Islamic Emirate of Afghanistan, and for Other Purposes,” US 118th Congress, July 25, 2024, accessed March 27, 2025, <https://www.congress.gov/118/bills/hr/9163/BILLS-118hr9163ih.htm>.
- 3 “Strengthen Anti-Taliban Resistance Fronts Through Aid, Advises Former US NSA,” *Afghanistan International*, July 9, 2024, accessed March 27, 2025, <https://www.afintl.com/en/202407092442>.

лет проживавших на территории страны на легальных основаниях, отнюдь не редки. Россия, как «особый кейс» данного исследования, демонстрирует некую промежуточную позицию между двумя описанными выше «полюсами»: афганская община здесь не подвергается каким-либо очевидным ограничениям в правах и свободах (при условии получения ее членами официального статуса на территории Российской Федерации). При этом какими-либо существенными рычагами влияния на местные власти в вопросах, представляющих коллективный интерес, она также не обладает.

Важным фактором, влияющим на способность афганских диаспор к мобилизации, представляется степень ее внутренней сплоченности (которая на поверку зачастую оказывается весьма низкой). Следует отметить, что разнородность и разрозненность афганских диаспор и эмигрантских элит – свойства, истекающие из одних и тех же детерминант, относящихся к афганскому обществу в целом. Нет оснований говорить о наличии устойчивой связи между основной массой афганских эмигрантов и находящимися за пределами своей страны теми или иными элитными группами. Первые покинули Афганистан в подавляющем большинстве случаев вынужденно, и их задачей является достижение определенного уровня интеграции в странах пребывания, который обеспечивал бы создание достойных условий жизни. Вторые стали эмигрантами в ходе политической борьбы. Даже потерпев поражение, они зачастую не оставляют реваншистских устремлений и готовы для их достижения служить интересам внешних акторов, далеко не всегда совпадающим с интересами Афганистана. Исходя из этого, можно говорить как об определенной деполитизации основной массы эмигрантов, так и о готовности элитных групп к сотрудничеству с государственными органами стран пребывания в их внешнеполитической деятельности.

Анализ вовлеченности диаспор в реализацию внешнеполитических интересов государств-реципиентов даже на ограниченном числе примеров показывает разнообразие ситуаций и отсутствие какой-либо прямой зависимости подобной практики от типа обществ.

В рамках американской внешнеполитической традиции высокий уровень социально-экономических и политических свобод сочетается с тем, что диаспорная элита вполне инструментально используется в интересах США. Своей спецификой обладает случай Пакистана: особые и во многом конфликтогенные отношения с Афганистаном, а также многочисленность афганской диаспоры создают для последнего широкие возможности манипулировать пребывающими в стране афганцами. Так, массовые депортации афганских беженцев из Пакистана, которые практикуются с 2023 г., представляют собой вполне откровенно используемый инструмент давления на действующее в Кабуле правительство в рамках продолжительной конфликтной ситуации в двусторонних отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Авдашкин, А.А. Проблема диаспор в зарубежной и отечественной литературе: вторая половина XX – начало XXI в. // Вестник Южно-Уральского профессионального института. 2013. № 3(12). С. 4–12.
- Avdashkin, Andrey A. "The Problem of Diasporas in Foreign and Domestic Literature: the Second Half of the XX – Beginning of XXI Century." *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo professional'nogo instituta*, no. 3(12) (2013): 4–12 [In Russian].
- Базанов, В.А. Диаспора как система // Вестник РУДН, серия Социология. 2011. № 3. С. 24–33.
- Bazanov, Varfolomey "Diaspora as a System." *RUDN Journal of Sociology*, no. 3 (2011): 24–33 [In Russian].
- Джакупова, Ч.И. Беженцы в Кыргызстане: 90-е годы XX века. Бишкек: Илим, 2000. 275 с.
- Dzhakupova, Cholpon I. *Bezhyentsy v Kyrgyzstane: 90-e gody XX veka*. Bishkek: Ilim, 2000 [In Russian].
- Заремба-Пайк, С.С., Лепшокова, З.Х. Воспринимаемая дискриминация, религиозность и психическое здоровье афганских беженцев в России // Minbar. Islamic Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 175–200. <https://doi.org/10.31162/2618-9569-2021-14-1-175-200>.
- Zaremba-Pike, Svetlana S., and Zarina Kh. Lepshokova. "Perceived Discrimination, Religiosity and Mental Health of Afghan Refugees in Russia." *Minbar. Islamic Studies* 14, no. 1 (2021): 175–200 [In Russian].
- Иващенко, А.С. Афганская вооруженная оппозиция в американской политике // США: Экономика. Политика. Идеология. 1994. № 11. С. 96–106.
- Ivashchenko, Aleksandr S. "Afganskaya vooruzhennaya oppozitsiya v amerikanskoi politike." *SShA: Ekonomika. Politika. Ideologiya*, no. 11 (1994): 96–106 [In Russian].
- Иващенко, А.С. Военно-финансовая и экономическая помощь США афганскому сопротивлению (1979–1989 гг.) // Научные труды Московского государственного педагогического университета. Серия: Социально-исторические науки. М.: Прометей, 1999. С. 238–244.
- Ivashchenko, Aleksandr S. "Voenno-finansovaya i ekonomicheskaya pomoshch' SShA afganskomu soprotivleniyu (1979-1989 gg.)." In *Nauchnye trudy Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-istoricheskie nauki*, 238–244. Moscow: Prometei, 1999 [In Russian].
- Искандаров, К.И. Афганские беженцы в Республике Таджикистан (1990-е–2005 гг.) // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2. Под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2005. С. 11–31.
- Iskandarov, Kosimsho I. "Afganskije bezhyentsy v Respublike Tadjikistan (1990-e – 2005 gg.)." In *Afghanistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii*. Vyp. 2, edited by Alexander A. Knyazev, 11–31. Bishkek: Ilim, 2005 [In Russian].
- Кириченко, В.П. Участие хазарейцев Афганистана в сирийском конфликте // Россия и мусульманский мир. 2019. № 4(314). С. 70–78. <https://doi.org/10.31249/rimr/2019.04.04>.
- Kirichenko, Vladimir P. "Participation of the Hazaras of Afghanistan in the Syrian conflict." *Russia and the Muslim World*, no. 4(314) (2019): 70–78 [In Russian].
- Князев, А.А. Афганская идентичность: перспективы дефрагментации // Международная аналитика. 2024. Т. 15. № 1. С. 210–218. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2024-15-1-210-218>.
- Knyazev, Alexander A. "Afghan Identity: Prospects for Defragmentation." *Journal of International Analytics* 15, no. 1 (2024): 210–218 [In Russian].
- Князев, А.А. Афганский кризис и безопасность Центральной Азии (XIX – начало XXI в.). Душанбе: Дониш, 2004. 640 с.
- Knyazev, Alexander. *Afganskii krizis i bezopasnost' Tsentral'noi Azii (XIX – nachalo XXI v.)*. Dushanbe: Donish, 2004 [In Russian].
- Коргун, В.Г. Где у афганцев родина // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 2. Под ред. А.А. Князева. Бишкек: Илим, 2005. С. 3–10.
- Korgun, Victor G. "Gde u afgantsev rodina." In *Afghanistan i bezopasnost' Tsentral'noi Azii*. Vyp. 2, edited by Alexander A. Knyazev, 3–20. Bishkek: Ilim, 2005 [In Russian].
- Коргун, В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН: Крафт+, акад. наук. Ин-т востоковедения. М., 2004. 528 с.
- Korgun, Victor G. *Istoriya Afganistana. XX vek*. Moscow: IV RAN, Kraft+, akad. nauk, In-t vostokovedeniya, 2004 [In Russian].
- Коргун, В.Г. США в Афганистане: миссия невыполнима? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 106–133.
- Korgun, Victor G. "SShA v Afganistane: missiya nevyopolnima?" *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no. 3 (2011): 106–133 [In Russian].
- Лошкареев, И.Д. Эволюция понятия «диаспора» в политической науке // Этносоциум и межнациональная культура. 2017. № 4(106). С. 70–78.
- Loshkaryov, Ivan D. "Evolyutsiya ponyatiya «diaspora» v politicheskoi nauke." *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 4(106) (2017): 70–78 [In Russian].
- Норик, Б.В. Афганские мигранты в Иране: угроза внутренней безопасности или будущая прокси-сила? // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1. С. 122–138. <https://doi.org/10.31249/snsn/2023.01.09>.
- Norik, Boris V. "Afghan Migrants in Iran: Internal Security Threat or Future Proxy Force?" *Social Novelties and Social Sciences*, no. 1 (2023): 122–138 [In Russian].
- Норт, Д., Уоллис, Дж., Вайнгаст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство института Гайдара, 2011. 480 с.
- North, Douglass C., John J.L. Wallis, and Barry R. Weingast. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva*. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2011 [In Russian].
- Окимбеков, У.В. Население Афганистана: динамика численности, состав и этнические конфликты на этнической почве // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 307–345.
- Okimbekov, Ubaid V. "Population of Afghanistan: Dynamics of Numbers, Composition and Conflicts on the Basis of Ethnicity." *Papers of the Institute of Oriental Studies of RAS*, no. 26 (2019): 307–345 [In Russian].
- Олимова, С.К. Таджикистан – первая остановка на пути афганской миграции // Центральная Азия и Кавказ. Лулео. 1998. № 1. С. 105–113.
- Olimova, Saodat K. "Tadjikistan – pervaya ostanovka na puti afganskoi migratsii." *Central Asia and the Caucasus. Luleå*, no. 1 (1998): 105–113 [In Russian].
- Саженов, Н.Д. Внутренние факторы во внешней политике Афганистана на современном этапе (2001–начало 2020 г.) / отв. ред. Р.Д. Дауров. М.: ИВ РАН, 2020. 220 с.

Sazhenov, Nikolay D. *Vnutrennii faktory vo vneshnei politike Afganistana na sovremennom etape (2001 – nachalo 2020 g.)*. Moscow: IV RAN, 2020 [In Russian].

Сикоев, Р.Р. Политический облик афганской диаспоры // *Азия и Африка сегодня*. 1999а. № 3. С. 20–25.

Sikoev, Ruslan R. "Politicheskii oblik afganskoi diaspory." *Asia and Africa Today*, no. 3 (1999a): 20–25 [In Russian].

Сикоев, Р.Р. Эмиграция и судьбы страны // *Азия и Африка сегодня*. 1999б. № 11. С. 46–48.

Sikoev, Ruslan R. "Emigratsiya i sud'by strany." *Asia and Africa Today*, no. 11 (1999b): 46–48 [In Russian].

Спольников, В.Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., 1987. 238 с.

Spolnikov, Victor N. *Afganistan: islamskaya kontr-revolutsiya*. Moscow, 1987 [In Russian].

Спольников, В.Н. Афганистан: исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. 192 с.

Spolnikov, Victor N. *Afganistan: islamskaya oppositsiya. Istoki i tseli*. Moscow: Nauka, 1990 [In Russian].

Спорышев, П.П. Диаспора: феномен и понятие (к проблеме выработки политологического подхода) // *Экономические стратегии*. 2009. № 3. С. 122–127.

Sporyshev, Peter P. "Diaspora: fenomen i ponyatie (k probleme vyrobotki politologicheskogo podkhoda)." *Ekonomicheskie strategii*, no. 3 (2009): 122–127 [In Russian].

Цапенко, И.П. Афганский миграционный кризис и политика США // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 42–59. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.05>.

Tsapenko, Irina P. "The Afghan Migration Crisis and U.S. Policy." *Polis. Political Studies*, no. 1 (2023): 42–59 [In Russian].

Anthias, Floya. "Evaluating 'Diaspora': Beyond Ethnicity?" *Sociology* 32, no. 3 (August 1998): 557–580. <http://dx.doi.org/10.1177/0038038598032003009>.

Cohen, Robin. "Diasporas and the Nation-State: From Victims to Challengers." *International Affairs* 72, no. 3 (July 1996): 507–520. <https://www.jstor.org/stable/2625554>.

Danstrøm, Matilde S., Nauja Kleist, and Ninna N. Sørensen. *Somali and Afghan Diaspora Associations in Development and Relief Cooperation*. Danish Institute for International Studies (DIIS), 2015.

Fischer, Carolin. "Imagined Communities? Relations of Social Identities and Social Organisation among Afghan Diaspora Groups in Germany and the UK." *Journal of Intercultural Studies* 38, no. 1 (February 2017): 18–35. <https://doi.org/10.1080/07256868.2016.1269060>.

Green, Nile. "Tribe, Diaspora, and Sainthood in Afghan History." *Journal of Asian Studies* 67, no. 1 (2008): 171–211. <https://doi.org/10.1017/S0021911808000065>.

King, Charles, and Neil J. Melvin. "Diaspora Politics: Ethnic Linkages, Foreign Policy, and Security in Eurasia." *International Security* 24, no. 3 (January 2000): 108–138. <http://dx.doi.org/10.1162/016228899560257>.

Sadat, Mir H. "Hyphenating Afghanity (Afghan-ness) in the Afghan Diaspora." *Journal of Muslim Minority Affairs* 28, no. 3 (December 2008): 329–342. <https://doi.org/10.1080/13602000802547898>.

Safi, Ali A., and Mathias Czaika. "The Transnational Engagement of Afghan Diaspora Organizations: Drivers of Diaspora Specialization." *Global Networks* 25, no. 1 (2024): e12484. <https://doi.org/10.1111/glob.12484>.

Shain, Yossi. "Ethnic Diasporas and U.S. Foreign Policy." *Political Science Quarterly* 109, no. 5 (December 1994): 811–841.

Сведения об авторах

Александр Алексеевич Князев,

д.и.н., ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Нинэль Яхъевна Гулам,

аспирант Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025.

Переработана: 6 июня 2025.

Принята к публикации: 10 июня 2025.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Князев, А.А., Гулам Н.Я. Политические контексты афганской эмиграции // *Международная аналитика*. 2025. Том 16 (2). С. 98–117.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117>

Political Contexts of Afghan Emigration

ABSTRACT

The article delves into the gradual process of Afghan diasporas' formation and compares their status in Euro-Atlantic and Eastern political contexts, using a comparative analysis based on the concept of social orders. While some Afghan diaspora groups have successfully integrated into local societies and organized to promote their interests, others have failed to influence local authorities and have become marginalized. The paper also examines the current state of Afghan diaspora communities, identifying reasons for their fragmented nature. According to the authors, this reflects the ongoing process of shaping an all-Afghan identity. The study also focuses on the conditions that enable some countries' state institutions to use emigrant diasporas as proxy tools in their foreign policy and on the readiness of diaspora elites to fulfil such functions. This highlights the relevance of the issue when it comes to understanding a range of current political events. The potential of Afghan diasporas in different countries is also assessed in terms of their abilities to influence the ongoing processes in Afghanistan. The analysis of diasporas' involvement in the recipient countries' foreign policy interests reveals the diversity of situations and the lack of a direct correlation between such practices and the type of the countries' social orders. The paper provides the authors' periodization of the Afghan emigration from the aftermath of the overthrow of the monarchy in 1973 to the time of the research.

KEYWORDS

migration, Afghan diaspora, refugees, political system, social orders, Afghanistan

Authors

Alexander A. Knyazev,

PhD (Hist.), Leading Research Fellow, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: a.knyazev@inno.mgimo.ru

Ninel Ya. Gulam,

PhD student, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: ni.ya.gulam@my.mgimo.ru

Additional information

Received: April 7, 2025. Revised: June 6, 2025. Accepted: June 10, 2025.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Knyazev, Alexander A., and Ninel Ya. Gulam. "Political Contexts of Afghan Emigration."
Journal of International Analytics 16, no. 2 (2025): 98–117.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2025-16-2-98-117>